

Брат и сестра

Маркус Агирре

Подслушать адрес, где живут сестренка с мужем и малявкой было не так сложно. Нужно было всего-то притвориться спящим, делать вид, что страдаешь от акклиматизации, и дело с концом. Этот жалкий повар-кондитер когда-нибудь расколется. Лежать и вспоминать, почему он оказался здесь...

В тот день Маркус действительно не думал, что отец придет на пять минут раньше. Каких-то пять минут ему не хватило, чтобы принести ей еду. Все деньги отца уже почти были в его кармане! Ну почему этот повар-кондитер всегда врывается не в свое дело. Он же сам выгнал свою женушку, направил свою зануду-дочь против нее, а тетушка еще и виновата.

Сейчас, лежа на диване в номере отеля и из-под полуприкрытых век наблюдая за тем, как этот повар вызывает такси, он сосредоточился на адресе. Он должен узнать, где этот монастырь. Ему нужно узнать, что с ним происходит. Потому что эти янтарного цвета глаза его уже достали. И этот неясный и нечеткий образ какого-то зверя никак не дает ему покоя. Что это такое? Какая-то способность, шизофрения, маразм? Но он же не ел то, что давал своей тетушке...

Он ждал несколько дней, чтобы наконец выйти из отеля и отправиться по адресу, который называл ее папаша.

Яреци Фернандез

С появления на свет маленькой крошки прошло восемь дней. Яреци не делала никакой фотосессии на выписку, она никого не приглашала, хотя в принципе никого не было кроме Тору и папы. Они приехали на съемную квартиру, папа устроил небольшое застолье, а потом он уехал. И началась жизнь маленькой девочки в обществе родителей. Тору каждое утро уходил на работу, а она оставалась с дочкой. И вот те четыре дня, что прошли с момента выписки, показались ей вечностью. Она считала уже не часы и не минуты, а секунды до того момента, когда придет Тору. Дочка не доставляла ей хлопот, она тихо спала, просыпалась только чтобы поесть, и почти не плакала. Правда ночами устраивала канцерты.

Вчера к ней снова приехал папа, привез очередные продукты, помог что-то приготовить. А сегодня она никого не ждала. И хотелось просто отдохнуть, но Кимико решила, что молчать и вести тихий образ жизни как-то скучно, поэтому с самого утра, как только ушел папа, начала кричать и долгое время не успокаивалась. Яреци пыталась ее покормить, но та отворачивалась. Решив, что придется давать смесь, она ее развела в бутылочке и, взяв кроху на руки, стала ее кормить и напевать ей песенку.

Звонок в дверь заставил ее вздрогнуть, и она, с дочкой на руках, направилась к двери, думая, кто это мог быть. За дверью стоял ее кузен, которого она никак не ожидала здесь увидеть, хотя и догадывалась, что папа не просто так поехал сюда...

- Что ты здесь делаешь? - спросила она, холодно сверкнув глазами.

Маркус Агирре

Узнать в какой квартире она живет не составила труда. Как хорошо иметь светлые глаза и волосы. Китайцы на этом просто помешаны. Хотя он думал, что это относится только к русским девушкам, но оказалось, что и китайки готовы знакомиться со светловолосым заморским принцем. Вот отожмет у этой зануды все деньги своего отца и станет богат. А глупые курицы любят богатых.

Как же он узнал номер квартиры? Все просто до безобразия - немного обаяния, скромности, и сердобольная старушка, которой он помог донести сумки до подъезда, придержать дверь и проводить до квартиры, рассказала, в какой квартире проживает интересующая его "девушка европейской внешности с ребенком". Забрав несколько юаней у бабушки (нет, он разве похож на идиота, который работает бесплатно?), он пошел искать квартиру. Найдя таковую, он позвонил в звонок и стал ждать, когда откроют.

Ему оказались не рады. Ну что же, придется снова играть на чувствах этой глупой курицы. Он бесцеремонно прошел в квартиру и закрыл за собой дверь.

- Сестренка, прости меня, я был настоящим дараком. Я... - он всхлипнул. - Мне несколько дней что-то снится. Какое-то животное. И я вспомнил тебя, ты же жила в каком-то монастыре. Яри, помоги мне, пожалуйста. Мне так страшно...

Он даже напустил на глаза слезы и вздрогнул. Она должна клюнуть, ведь эти курицы любят всех жалеть...

Яреци Фернандез

На его откровения она вопросительно выгнула бровь. Первой мыслью было высказать ему всё, что о нём думает, двинуть ему как следует и прогнать к чертям собачьим, но что-то ей подсказывало не делать поспешных выводов. Возможно, его действительно что-то преследует, какая-то способность проявляется, но она не была спецом. Однако и выдавать просто так какому-то проходимцу местоположение тихого и спокойного монастыря она не имела права. Потому что этот монастырь был действительно очень необычным, загадочным, он стал домом для её семьи, и ведь далеко не каждый может туда попасть. Вот насчёт Маркуса она не была уверена.

Она покачала головой и снова посмотрела на дочку. Что же, раз он так бесцеремонно вошёл домой, то, может, его так гнать и не стоит. Может быть, его действительно что-то пугает? Хотя она не верит в его слёзы. Она вздохнула и, вытащив соску из рта дочки, ушла в комнату и аккуратно уложила спящую малышку в кроватку. Поцеловала в лоб и вернулась к Маркусу, который стоял на том же месте с низко опущенной головой.

- И чего тебе снится? - Устало спросила она, глядя в его глаза, слегка прищурившись. - Ты думаешь, что я тебе поверю? После всего, что ты сделал? Как ты вообще смеешь приходить ко мне? - Прошипела она.

Внезапная мысль посетила её голову, и она сконцентрировалась. После родов с

построением ментального щита возникли небольшие трудности (в плане, это показалось ей более долгим, нежели когда-то давно), а потом она синие нити энергии Аджны потянула в его сознание. Оно не было ничем защищено, и от обилия мыслей, творящихся в его голове, ей стало как-то неприятно. Она даже не думала, что в голове может быть столько хлама. И в этом хламе она увидела неприятные мысли о маме, каком-то порошке и дяде Рикардо, они были словно чем-то связаны. Она нахмурилась и мотнула головой.

- Что ты сделал с моей мамой? - Спросила она злым шёпотом.

Руки сжались в кулаки.

Маркус Агирре

От холодного и злобного взгляда сестры не было возможности хоть куда-то укрыться. Он даже почувствовал какую-то угрозу, идущую от нее, но не мог разобрать, что это. Нужно срочно придумать, как выкрутиться, чтобы она пожалела его.

В какой-то момент ему показалось, что мозг как-то неприятно зачесался, будто его пощекотали пылинкой. Он мотнул головой, и это наваждение спало. А вот стальной шёпот сестры закрал подозрения, что это было какое-то ментальное воздействие. Кажется, она говорила, что умеет читать мысли и проникать в сознание. Это, конечно, плохо, но ведь она не будет копаться в его мыслях. Ведь это неправильно. Да и чего такого в его мыслях страшного, что она подумала о тётушке?

- Я ничего не делал с твоей мамой, сестрёнка, - искренне ответил он, считая, что это обязательно прокатит. Когда он делал такое выражение лица, искренне-добро-нежное, никто не мог устоять. И пустоголовые курицы как его сестра, тем более. - Помоги мне, пожалуйста, мне очень страшно. Меня пугают эти глаза. И образ какого-то зверя. Он постоянно смотрит на меня из самого тёмного угла. Что это такое? Иногда я вижу его клыки. Пожалуйста, мне больше не к кому обратиться, сестрёнка.

Он говорил это тихим и дрожащим голосом, опустив голову и заставляя своё тело слабо дрожать. Она должна поверить в этот бред. Она должна рассказать ему про этот монастырь. Он туда поедет, обучится чему-то, ментальной магии, например. А потом вернётся домой и заставит отца переписать всё состояние на него. Он хищно ухмыльнулся.

Яреци Фернандез

Она не знала, что делать. С одной стороны, она чувствовала, что у него действительно могут проявляться способности. Превращение, например. Она знала, что в монастыре полно оборотней, и Маркусу там помогут. Вот только она абсолютно сомневалась, что ему прямо необходимо туда отправляться. Может быть это просто блеф? Хотя зачем ему это? Чего он хочет добиться этими своими действиями? Снова причинить боль? Разрушить её семью? Выкрасть ребёнка?

От этой мысли стало как-то не по себе. Руки сильнее сжались в кулаки. Да нет, вряд ли. Он не способен на такое. Это же надо думать, продумывать. А он может только

мелко пакостить. Но вот этот порошок ей не давал покоя. И его физиономия, такая несчастная, и эти слова о страхе... дешёвая игра провинциального театра. Как сказал бы Станиславский, "Не верю!". И она тоже не верила.

- Немедленно говори, что ты делал с моей мамой, - всё-таки порошок - это что-то серьёзное. Наркотики? Он ей накачивал наркотиками? Ну вряд ли это соль. - Не заставляй меня влезать в твою голову и причинять тебе боль!

Руки сжались сильнее в кулаки, до боли в ладонях. Махать кулаками она немного умела, какие-то стойки знала, даже могла повторить какую-то связку, которую когда-то очень-очень давно показывал Тору на групповом занятии. Выпад правой ногой вперёд, нога согнута в колене, бедро практически параллельно полу. Кулак правой руки резко бьёт в голову, а левая ударяет в область солнечного сплетения.

Как она и ожидала, Маркус смог увернуться только от одного удара, на второй наткнулся и согнулся пополам, хватая ртом воздух. нельзя сказать, что удары у девушки были очень сильные, то ли противник оказался слабаком, то ли ярость действительно придаёт сил, и тебе кажется, что ты бьёшь в полсилы. Не дав своему кузену отдышаться, она нанесла ему ещё пару ударов, и, когда он упал, ударила ногой и паховую область.

- Итак, я слушаю. Что. Ты. Сделал. С. Моей. Мамой? - Чётко спросила она, думая, как бы применить ментальную магию. Она могла попробовать отдать ему приказ, но только для этого нужно очень чётко сформулировать мысль, а ещё успокоиться. Ни того, ни другого, сейчас в арсенале не было.

Тору Мотидзуки

Прошло несколько дней с тех пор, как он забрал Яреци и Кимико домой, и эти дни дались ему совсем непросто. Необходимость ходить на работу никто не отменял, а после нее Тору сразу бежал домой, понимая, что его там очень ждут. Плюс ко всему добавлялись и временами проходящие ночные концерты, после которых вставать в шесть утра было просто мучительно, но, поскольку естественного хода событий он изменить никак не мог, оставалось только смириться и привыкнуть к безумному ритму жизни ближайших месяцев.

Сегодня Тору удалось закончить с работой немного раньше обычного, поэтому он решил сразу отправиться домой, чтобы хоть ненадолго освободить жену от постоянного присмотра за ребенком. Да и возня с дочкой, хоть и отнимала силы, все равно была ему приятна и дарила много положительных эмоций. Яреци о своем раннем приходе он предупреждать не стал, собираясь сделать ей сюрприз, но подойдя к входной двери вплотную и услышав раздающиеся из квартиры голоса, об этом пожалел.

Ключ моментально выпорхнул из кармана и оказался в руке, открывая дверь. Пара шагов и вот уже перед глазами Тору предстала поразительная картина, заставившая его на какое-то время замереть на месте. Яреци била своего, непонятно как здесь оказавшегося, двоюродного брата, совершенно не замечая его появления и показывая себя с доселе ему неведанной стороны.

- Яри, успокойся. - Тору, наконец, смог выйти из ступора и, ухватив жену за талию, оттащил ее от непутевого родственника. - Вы же ребенка разбудите.

Почему-то первая пришедшая в его голову мысль была именно о Кимико. О причине же самой заварушки, он в общих чертах догадывался и не испытывал особого восторга по поводу перспектив дальнейшего развития событий вечера, который он так хотел провести без лишней нервозности.

Маркус Агирре

- Я ничего не делал с твоей мамой, - спокойно ответил он. Что она там узнала? Небось про какой-то белый порошок? Или про отца? Да, наверное, она узнала, что его избил отец, и подумала, что это он сделал из-за тетки. Ну дура. Реальная дура. Можно сыграть на том, что он просто слетел с катушек и ни за что побил его.

- Сестренка, помоги мне. Мне больше не к кому обратиться. Мне страшно...

Но она его не слышала. Первый удар он сумел отразить, а вот на втором он сдался. Он никогда не умел драться, да и не учился этому. У него получалось быстро бегать, и это ему хватало. Но последнее время фортуна отвернулась от него. Снова. Две недели назад, когда отец притащил этого повара...

Голос сестры отдавался глухим эхом в ушах, и в нем было что-то опасное. Страх липкой волной сковал его тело, и он сглотнул. Сплюнул кровь на пол и закрыл глаза.

И он не знал, чем бы все это могло закончиться, если бы не появление мужа этой драчуни. Ему вообще показалось странным, что она умеет драться. В последнюю встречу она показала совсем другое - что она умеет только реветь.

- Она ненормальная, - сказал он. - Ее надо изолировать. Психованная истеричка, - он встал, воспользовавшись тем, что её держат. Первая мысль была - свалить отсюда. И даже дверь была открыта...

Яреци Фернандес

Появление Тору оказалось для нее неожиданным. Он оттащил ее, и пелена ярости моментально спала с глаз. Она глубоко вздохнула и отвернулась от своего кузена. Тому очень повезло, что она не расслышала его слова. Сейчас, находясь в объятиях мужа, она успокоилась. Прижалась к нему и прикрыла глаза.

- Тору, я проникла в его мозг. Он что-то делал с моей мамой. Я видела там какой-то белый порошок. Он просил меня помочь ему в поисках монастыря. Кажется, у него проявляется способность к превращениям. Тору, я не знаю, что делать.

Она подняла голову и посмотрела на мужа. закусила губу и виновато опустила глаза. Ей казалось, что она снова всё испортила. Ведь если бы она не открыла дверь и сделала вид, что её нет дома, то сейчас бы не нужно было разбираться с ним. И Тору был бы счастлив просто повозиться с малышкой, а она была бы счастлива просто приготовить что-нибудь. Поговорить с любимым мужем, обнять его. Но из-за того, что она открыла дверь, им сейчас приходится возиться с Маркусом.

Она холодно посмотрела на брата, который воспользовался ситуацией, чтобы свалить.

- Ты отсюда никуда не уйдёшь, пока не расскажешь мне, что ты с ней делал, - прошипела она, глядя на Маркуса. Сейчас необходимо успокоиться. Она должна это сделать, ей необходимо узнать, что он сделал с ее мамой. Она не скажет ничего Тору, он не поймет, что она делает. Возможно, ей потом станет плохо, но она должна выдержать это. Она давно хотела попробовать что-то подобное, а тут как раз и повод есть, и возможность подвернулась. Грех не воспользоваться, как говорится.

Она глубоко вздохнула и прислушалась. Кимико спала, и это сейчас всем участникам этого разговора было на руку. Главное, чтобы малышка не проснулась...

Тору Мотидзуки

Пусть его вмешательство и стало для Яреци неожиданностью, она начала успокаиваться сразу, как его руки сомкнулись на ее талии. Из разъяренной дикой кошки девушка мгновенно превратилась в ласкового домашнего котенка, словно буквально минуту назад не было всей этой страшной картины с избиениями, потрясшей Тору до глубины души. Он даже и не предполагал, что его жена может оказаться настолько драчливой и с трудом представлял, где она успела всего этого нахвататься, не припоминая, чтобы он сам когда-то учил ее бить людей.

- Твое мнение никто не спрашивал, - Тору холодно посмотрел в сторону незваного гостя. — Раз пришел без приглашения, то и веди себя соответственно.

Посчитав, что неугомонный мальчишка меньше заслуживает внимания, чем его собственная жена, он перевел взгляд на Яреци, сурово покачал головой, но потом, все же, не удержался от усмешки.

- Какая ты у меня оказывается драчунья. — Повинуясь порыву он, несмотря на ситуацию, наклонился и поцеловал девушку в кончик носа. — Может, мне стоит тебя бояться?

За его шутливыми словами пряталось серьезное беспокойство. Тору понимал, что скрыть от Яреци все произошедшее у него не получится, раз она уже успела влезть в голову Маркуса и вытащить оттуда какую-то информацию. И в этом как раз и был жирный минус ментальной магии — невозможность что-либо умолчать, если ты сам не являешься сильным ментальным магом и, как следствие, ощущение неуверенности в свободе своих мыслей.

- Яри, подожди паниковать и не придумывай лишнего.

Тору предпринял последнюю попытку как-то замять ситуацию, хоть и понимал, что она практически обречена на провал. Его жена имела обыкновение вцепляться во что-либо подозрительное словно клещами и не выпускать, пока не получит все необходимые ей ответы, ну или не придумает их сама, что, по его скромному мнению, было еще хуже.

Яреци Фернандез

Девушка прикрыла глаза и слабо улыбнулась, когда Тору поцеловал её в кончик носа. Слова, сказанные им полушутливым тоном, оказались не так важны. Хотя в его голосе чувствовалось беспокойство. Она открыла глаза и внимательно посмотрела на него. Вздохнула и слабо мотнула головой. Снова прижалась к нему, привычно уткнувшись носом в его ямочку под ключицей. Так было хорошо с ним, хотелось, чтобы не было сейчас никакого Маркуса и не было ее желаний проникнуть в его мозг.

Когда-то она боялась развивать эту способность, боялась, что не сможет себя контролировать и начнет влезать людям в голову. Но теперь она знала одну простую вещь - она не влезет просто так в головы к трем людям - Тору, Кимико и папе. Если только они попросят об этом. Но они вряд ли попросят. Потому что без разрешения влезать в головы как минимум некультурно. А как максимум - это настоящеепредательство по отношению к тем, кто тебе доверяет.

Но Маркус - это совсем другой разговор. К нему она теперь не испытывала ни каких-то братских чувств, ни сочувствия, ни уж тем более жалости. Он был для нее всего лишь сыном ее дяди Рикардо, человека, который много раз помогал папе. Которого она уважала и любила.

Эта мысль о работе с незащищенным сознанием ее двоюродного брата была очень навязчивой. Она не могла от нее избавиться, она понимала риски, связанные с этим. Возможно, он никогда ее не простит, но это и не нужно было. Маркус делал что-то с ее мамой, и, вероятно, дядя Рикардо об этом узнал. Избил его, а папа решил увезти его. Она не может просто вот так это оставить, сделать вид, что все хорошо, довольствоваться тем, что папа имеет возможность ее навещать. Она почти смирилась с тем, что у мамы поехала крыша.

Краем глаза она заметила, что Маркус подошел к двери, и отстранилась от Тору. Глубоко вздохнула и сглотнула, пытаясь справиться с нервной дрожью. Стало страшно, вдруг у нее не получится, вдруг что-то пойдет не так? Что делать, если действительно что-то пойдет не так? Надо успокоиться и верить в себя. У нее все получится. Она не собирается оставлять Тору и Кимико одних. Только потому, что они не справятся без нее.

Она быстро подашла к Маркусу, схватила его за руку и развернула лицом к себе. Прижала к стене и взяла двумя руками его лицо. Встретилась с его нахальными глазами серого цвета. Впрочем, сейчас не было нахальства, во взгляде преобладало смятение и непонимание. И был страх. Липкий, сладковатый, с небольшим миндальным послевкусием.

Синие нити касаются незащищенного сознания Маркуса, опутывают его, охватывают своими щупальцами словно гигантский спрут хватает заблудившийся в тумане корабль. Она проникает в сознание, подчиняя его, заставив забыть все трения. Его мысли оказываются в ее сознании, причиняя что-то непонятное. Не боль, нет. Что-то незначительное. Отвращение? Да, она не хочет больше с ним связываться. Она ненавидит его.

- Что ты с ней делал? - прошипела она, сосредоточив внимание только на своем родственнике...

Маркус Агирре

Ее вшивый муженек прискакал как раз вовремя. Он ее так крепко и нежно обнимал, а она так прижималась к нему, что это вызывало у него отвращение. И не только. Ему было пофиг на них, и он, в принципе, мог уйти. Монастырь ему поможет найти кто-то другой, наверняка во многомиллионном Пекине кто-то об этом знает. Ну не может быть такого, чтобы об этом никто ее знал. Китайский он, конечно, не знает, но природное обаяние и хорошее знание английского языка может ему помочь найти не только переводчика, но и что-то другое. Поэтому пусть они обнимаются, вызывают отвращение, а он лучше пойдет.

Но только он подошел к двери поближе, как что-то изменилось. Его схватили за руку и прижали к стене. И, самое обидное, что с ним как с тряпкой поступил не Торучка, а эта ненормальная. Кажется, права была тетушка, сказав, что во время беременности и родов окончательно теряется мозг. И, кажется, не только мозг. И вообще дерущаяся баба, если она только не мастер спорта по боксу, это ужасно.

Он хотел сказать что-то резкое, но она взяла руками его лицо и стала смотреть в глаза. От ее взгляда, настолько непривычного, холодного и страшного сердце ушло в пятки. А потом стало что-то происходить. Он услышал вопрос и хотел сказать, что не понимает, но не смог. Он не понимал, что происходит, но ему вдруг показалось, что он стал марионеткой в руках вершителя судеб. Он не мог не подчиниться, он, сам того не понимая как это получилось, стал отвечать на её вопрос. Как будто он находился под гипнозом. Ему показалось, что его мысли ему не принадлежали.

- После смерти прабабки у тётушки поехала крыша. Ей прописали какие-то психотропные вещества. Ей становилось лучше, и я увеличил дозу. Я ей подмешивал их в кофе. Она перестала что-либо соображать. И она почти уговорила отца переделать завещание в мою пользу.

Сказав это, он остался стоять и смотреть на неё. Мысли ему не принадлежали, ему вообще казалось, что он - это вообще не он. Уже не было ни страха, ни каких-либо других мыслей и чувств. Просто ничего...

Тору Мотидзуки

Пока он думал, что сказать Яреци, та отстранилась и направилась в сторону двоюродного брата, который, воспользовавшись моментом, похоже, собирался слинять. Сам Тору не стал бы ему мешать, предпочитая объяснить все жене без посторонних, смягчая самые острые моменты. Но девушка решила иначе, и он не успел ее остановить до того, как она прижала Маркуса к стене и начала творить какое-то непотребство, используя ментальную магию.

В том, что девушка полезла братцу в голову, Тору не сомневался. Во-первых, это было вполне в ее духе, а во-вторых, ее подопытный выглядел достаточно странно и для себя нетипично, чтобы сделать соответствующие выводы. В первый момент он хотел оттащить Яреци и высказать все, что думает по поводу ее экспериментов, но в последний момент остановился. Он ничего не смыслил в магии и боялся, прервав

контакт, причинить жене какой-нибудь вред, хоть и не знал, существуют ли для нее сейчас какой-нибудь риск. Но, в любом случае, он планировал как следует отругать девушку после того, как она закончит выуживать из Маркуса информацию.

Конечно, мальчишка все рассказал, и сделал это худшим из возможным способов. Тору даже поморщился, слушая его признания о многочисленных "достижениях" и понимая, что за этим должна была последовать если не истерика, то, в любом случае, очень бурная эмоциональная реакция от Яреци. Но пока он продолжал оставаться в выжидательной позиции, внимательно следя за всем происходящем и надеясь на не самый худший из возможных исходов этой малоприятной ситуации.

Яреци Фернандез

Выслушав откровения брата, девушка нахмурилась и прервала ментальный контакт. Почувствовала головную боль, она пока была терпимая, но девушка была уверена, что она станет со временем более сильной. Она закрыла глаза и мотнула головой. Потом посмотрела на кузена, который стоял с каким-то странным видом. Как будто он находился под гипнозом. Рядом с ними стоял Тору, и вида он был сердитого. Но Яреци сейчас не обратила на это внимания, на его вид.

- Убирайся! Я тебя ненавижу, ублюдок! - Прошипела она. Хотела еще что-то сказать, но головная боль стала намного сильнее, и она сжала руку Тору. В какой-то момент боль стала невыносимой, и она зажмурилась. Спазм прошёл, и она, отпустив руку мужа, ушла в комнату. Надо лечь. Да, определённо, если она ляжет, то боль станет слабее, а баланс энергии восстановится быстрее, наверное. Он ведь восстановится?

Мир расплывался, в нём присутствовали противные сине-красные точки, из-за которых сильно болели глаза, во рту чувствовался какой-то противный килый вкус, будто она выпила прокисшего молока. Голову будто стиснул стальной обруч, и кто-то очень злой с каким-то маньячным наслаждением будто поворачивает винтик, уменьшая диаметр и сплющивая голову. Она добралась до кровати и повалилась на неё. Потом легла на бок со стоном, сжалась в комочек и стала смотреть на малышку, которая, к огромному счастью, спала. Боль никак не утихала, и она закрыла глаза и жалобно всхлипнула, надеясь, что Тору этого не услышит. Она не хотела, чтобы он страдал и переживал. Она знала, что потом будет серьёзный разговор с ним, она знала, что он как всегда окажется прав, а она снова будет идиоткой, которая всегда во что-то лезет.

... Больно, очень больно, невыносимая боль. Она зажмурилась, сжала руку в кулак и поднесла его ко рту. Зубы впились в кожу, причиняя другую боль, но та боль не могла сравниться с тем ощущением, когда кажется, будто в голове взорвалась бомба, которая медленно и с каким-то наслаждением разрывает головной мозг. Из глаз хлынули слёзы, из носа пошла кровь, она тихо застонала, понимая где-то отголосками сознания, что кричать нельзя - она разбудит маленького человечка. Она не имеет никакого права кричать, она должна бороться с этим и как можно скорее придти в норму. Потому что кроме неё никто не позаботится ни о Тору, ни о Кимико...

Маркус Агирре

Он не хотел этого говорить, но что-то заставило его всё рассказать. В душе было какое-то смятение, он не понимал, почему и зачем это рассказал, и было неприятно. Помня, как она рассказывала о ментальной магии, Маркус, который не был глупым, он был только недалёким, но никак не глупым, понял, что та использует ментальную магию. У него появилось желание научиться делать то же самое, тогда у него не будет проблем с воздействием на отца, чтобы тот переписал завещание в его пользу. И тогда он сможет командовать своими друзьями, и больше никогда не сможет проиграть в карты. Потому что будет знать, какие карты у других игроков. Они же все думают про свои карты. Да и Маркус тоже грешил этим. Осталось только найти этот монастырь, и тогда всё будет прекрасно.

Только вот сейчас уверенности не было. Хотя, заметив, как колбасит его сестру, он не смог удержаться от ехидной ухмылки. Что же, мгновенная карма, нечего было влезать в его голову. Он посмотрел на её мужа и хмыкнул. Да, он не считал себя виноватым, что делал такое с тёткой.

- Она ненормальная. Смотри, она так и в твою голову влезет! Она не имеет права влезать в голову. И эта истеричка как всегда всё не так поняла. Отец завещал *мои* деньги этой овце, он не имел права так делать. И я добьюсь, что он вернёт мне деньги! - Прошипел молодой человек.

И он, показав Тору средний палец, подошёл к двери. Он был уверен, что тот не будет его бить, зачем ему это надо? Он сейчас уйдёт, переночует где-нибудь, а потом всё-таки найдёт способ добраться до этого монастыря. И если надо будет что-то отдать взамен, то он не побоится предать и эту истеричку, которая беззастенчиво влезает людям в головы, и её муженька-японца, и её папашу... да вообще всех. И отца. Хотя нет. отца только в том случае, когда он вернёт ему законные деньги.

Тору Мотидзуки

Хоть Тору и обещал себе не вмешиваться, удерживать себя от того, чтобы не оттащить жену куда подальше, было непросто. Но он снова и снова мысленно повторял себе, что Яреци понимает, что делает и не станет рисковать своим здоровьем, от которого зависело благополучие их дочери. Но, судя по тому, что начало происходить после откровений Маркуса, ему следовало признать, что он переоценил благоразумие девушки, поскольку её плохое самочувствие мог не заметить только слепой.

Когда Тору по боли в своей сильно сжатой руке понял, что дела Яреци совсем плохи, первым его желанием было отругать девушку за безответственность, но он в очередной раз сдержался, понимая, что сейчас его слова будут просто пропущены мимо ушей. Поэтому, когда она, пошатываясь, отправилась в комнату, Тору ограничился лишь быстрым взглядом в её сторону, проверяющим, дойдет ли она без его помощи, а затем повернулся к нарушителю спокойствия.

-Твое мнение по поводу моей жены, мне не интересно.- Голос Тору звучал холодно и с плохо скрываемыми нотками отвращения. — А по поводу денег уж извини — твоих среди них нет и в помине. Сначала что-нибудь заработай, а уж потом называй деньги своими.

Он не стал как-то реагировать на адресованный ему жест, считая это ниже своего достоинства. Но поскольку мальчишка много говорил и слишком медленно продвигался в сторону выхода, Тору решил ему в этом немного помочь, быстро подойдя и, прихватив его сзади за ворот куртки, вышвыривая его за дверь. Конечно, можно было дожидаться, пока тот самостоятельно покинет квартиру, но хозяин дома не смог отказать себе в удовольствии поспособствовать уходу незваного гостя, чтобы нахальному мальчишке даже в голову больше не приходило появляться на его территории.

Разобравшись с Маркусом, Тору отправился в комнату, чтобы обнаружить Яреци в достаточно плачевном состоянии, с перемазанным кровью в области носа лицом. С трудом сдержавшись, чтобы не выругаться, он набрал в грудь побольше воздуха, стараясь успокоиться и не прибить и без того не слишком здоровую жену, а затем отправился в ванную, чтобы намочить полотенце и стереть кровь. Мечты о спокойном семейном вечере можно было оставить в прошлом и ему, забыв о накопившейся усталости, приходилось заниматься бытовыми вопросами и ребенком, а точнее, сразу двумя, поскольку безответственное поведение Яреци в его понимании никак не вязалось с поведением взрослой женщины.
